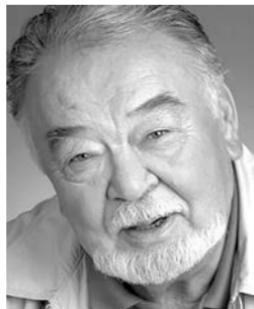

Асанали Ашимов

С ЛЮБОВЬЮ – ВАШ...

AVE, ЦЕЗАРЬ! ИДУЩИЕ НА СМЕРТЬ ПРИВЕТСТВУЮТ ТЕБЯ!

С должности директора и художественного руководителя я ушел с легкостью. Я был готов к этому с того самого момента, как сел в это кресло, но, оказывается, не был готов к тому, чтобы бороться за свое честное имя. Ведь во всех доносах, которые шли наверх, только одно соответствовало правде – я действительно способствовал, чтобы мой сын Саги стал лауреатом Госпремии республики за исполнение главной роли в моем фильме «Чокан Валиханов»: я снял свою кандидатуру в его пользу.

В те отчаянные дни, когда я готов был сломаться, фактически находился на краю обрыва, меня спас Цезарь. В спектакле Кадыра Жетписбаева «Юлий Цезарь», где у меня главная роль, я как бы проигрывал кусочек своей жизни. Ведь и меня, как и моего героя, павшего от руки своего ученика Брута, предали друзья и коллеги. «Чем я не римлянин», – подумал я и даже как-то повеселел от такого сравнения.

Подготовка к спектаклю началась еще до отъезда на Сахалин, на съемки «Маньчжурского варианта». Вернувшись оттуда, я слег в больницу: хворал, а, может, просто пытался убежать от самого себя. На душе скребли кошки, надо было что-то делать, чтобы окончательно не впасть в депрессию. В театр идти не хотелось. Дом, который я много лет считал родным, стал теперь холодным и враждебным.

Тогда, переборов себя, стал репетировать в одиночку. Соседи по палате, к счастью, попались толковые. Раздал им тексты, и, как могли, они подыгрывали мне, когда я работал над образом Цезаря. В общем, за 10 дней роль была прояснена, я, кажется, сумел понять внутренний мир героя: он хотел завоевать весь мир и сумел бы это сделать, да подвела малость – окружение предало.

Теперь предстояло самое трудное – позвонить режиссеру. В душе копошилась трусливая мыслишка: а вдруг откажет? что тогда?

Кадыр Жетписбаев на мой нарочито бравый, а на самом деле робкий тон, которым я спрашивал: «Ну что? Допустишь меня на прогонную репетицию? Я готов», – ответил просто и коротко: «Приходи».

Мой приход вызвал в театре легкий шок. Даже те, кто сочувствовал мне, думали, что после такого – провальных гастролей, разгромной статьи в «Правде», после снятия с должностей директора и художественного руководителя – Ашимов еще долго будет приходить в себя. А я шел и приветливо улыбался всем, хотя поджилки, признаться, тряслись.

Зашел в свою гримборную, переоделся и – в репетиционный зал. По замыслу толпа должна встречать моего героя восторженным «Цезарь! Цезарь!». Играя этот эпизод, из глубины сцены вышел нарочито замедленным, но твердым шагом, не спеша поднялся на авансцену.

Со стороны массовки и актеров, играющих второй план, раздалось громкое «Цезарь! Цезарь!». Молчали лишь Брут – мой «друг» Жаманкулов – и несколько стоящих рядом с ним актрис. Я посмотрел на них в упор и сказал, обращаясь к режиссеру: «Пока эти не скажут то, что им положено по роли, я не выйду». Ушел, снова медленно вернулся – все закричали еще громче, и только эти несколько во главе с моим «другом» нехотя шевельнули губами. Тогда я медленно подошел к нему, и Брут, явно струсив под направленным в упор взглядом, громко закричал: «Цезарь! Цезарь!» А я, задев ему лицо распростертой пятерней, поднялся на авансцену.

До сих пор я благодарен теперь уже покойному Кадыру Жетписбаеву. Понимая мое положение (от первого выхода в тот момент зависело многое) и, видимо, чувствуя исключительность момента, режиссер терпеливо сносил мои «причуды».

А дальше все прошло на одном дыхании – я играл как пел! Ведь я вложил в роль боль и отчаяние, которые мне пришлось пережить в последние месяцы. Жетписбаев был счастлив.

Я понимал режиссера: спектакль получился! «Вот что значит Мастер! – сказал он, деля жест в мою сторону. – Выходи завтра на генеральную репетицию, премьеру будешь играть ты». «Спасибо», – ответил я скромно, а сам был готов летать от радости.

Как же! Я победил самого себя, страх и неуверенность, поселившиеся в душе в последние месяцы, куда-то испарились. Актер, который репетировал Цезаря два с половиной месяца, поняв, что премьеры ему не видать, полез в драку с режиссером.

«Юлия Цезаря» посетил первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Колбин. В перерыве ко мне в гримборную прибежали радостные Мамбетов (Азербайджан к тому времени уже вернулся в театр) и заместитель министра культуры Канат Саудабаев: «Геннадия Васильевичу понравилось. Он сказал, что Ашимов – настоящий Цезарь!» Вот так Колбин, который месяцем раньше снял меня с директорства, признал меня как актера.

Этот спектакль стал переломным в моей жизни. В дальнейшем удары судьбы я воспринимал не так остро и болезненно и, в отличие от Азербайджана, не дал себя сломать. Тот период вообще сделал меня очень жестким. Я понял, что в театре никому нельзя верить. Никто, кроме тебя самого, в отчаянные минуты не поможет.

Говорите: счастливчик, баловень судьбы? А я ведь сам делаю себя таким. Как? А очень просто – не даю поводов жалеть себя. Я не люблю этого. Мне больше по душе, когда мною восхищаются и пытаются подражать.

НАЗАД, В БУДУЩЕЕ!

В театр я вернулся через 10 лет – когда его возглавил Есмухан Обаев. Перед этим раздумывал: если вернусь когда-нибудь на сцену, то с чем? И опять мне на помощь пришел мой ангел-хранитель. Обаев, приглашая вернуться в театр, сообщил, что Рубен Андриасян хочет поставить на нашей сцене драму Гауптмана «Перед заходом солнца» со мной в главной роли. Перед этим главный режиссер Театра имени Лермонтова приглашал меня сыграть на его сцене короля Лира. Заманчивое, конечно, предложение. Чувствуя, что мне когда-нибудь придется столкнуться с Лиром, я, даже уйдя из театра, подспудно репетировал эту роль. Она соответствовала и моему возрасту, и состоянию, но в спектакле, задуманном Андриасяном, нужно было играть на русском. И я засомневался: вместо того, чтобы создавать на сцене образ, я должен буду думать над тем, где ставить ударение. Я не отважился на такой риск, а Андриасян не решился поставить на сцене Русского драматического театра спектакль на казахском, хотя это было бы очень оригинально.

И вот он предложил мне главную роль в спектакле «Перед заходом солнца». Я согласился не раздумывая. Роль стоила того, ведь Маггиас Клаузен – это современный король Лир. Никогда не забуду первой встречи с партнерами. Всех их я видел первый раз: и Бахтияр Кожа, и Дулыга Акмолда, и другие пришли в театр уже после меня. Актеры обычно являются на репетицию кто в чем, в общем, в затрапезном виде. А тут все были одеты с иголочки. Меня это тронуло – они ждали встречи со мной, для них это было не рядовое событие. А первая встреча очень много значит для актера. Станиславский не зря говорил: главное – уметь достойно выйти на сцену и уйти с нее.

Наш вход в этот спектакль получился теплым. Дальнейшая работа пошла на той же волне. Во время репетиций никто не позволял себе входить и выходить из зала, как это бывало раньше.

Как же все эти годы я, оказывается, скучал по сцене! Возвращение можно сравнить с тем, как усталый путник долго шагал, изнемогая от жажды, по пустыне, и вдруг впереди блеснул родник! Он к нему с жадностью припадает и никак не может напиться. И у меня, когда я приступил к репетициям первого своего спектакля, было такое же ощущение. «Перед заходом солнца» мы с Андриасяном репетировали с февраля по октябрь 2002 года. Такой долгой работы над спектаклем в Ауэзовском не было со времен Мамбетова. Азербайджан, в свою очередь, следовал системе Немировича-Данченко, который горьковскую пьесу «На дне» репетировал, например, около двух лет, зато спектакль потом 40 лет не сходил с мхатовской сцены.

Андриасян тоже собирался выйти с премьерой месяца через два – два с половиной. Но я не сторонник так называемых вводов, когда актер после трех-четырех репетиций выходит на сцену, имея за плечами лишь хорошо вызубренный текст, но не образ, созданный в результате кропотливой работы. Насколько я знаю, в истории театра был всего лишь один случай удачного ввода: это великая Мария Ермолова в спектакле «Гроза» по Островскому.

В общем, я дал понять режиссеру, что не тороплюсь. Это был единственный вопрос, в котором мы не сошлись. Во всем остальном было взаимное уважение и согласие. Мне импонировали его традиционность, приверженность реалиям

жизни и неприятие модного эпатажа при постановке спектаклей. Советуясь со мной, он спрашивал: «Мастер, как ты смотришь, если этот эпизод мы сделаем вот так?» Я ему, в свою очередь, предлагал свои варианты. В спектакле, к примеру, есть эпизод, когда главная героиня, не выдержав враждебного отношения к ней детей своего возлюбленного, убегает, Маттиас Клаузен бросается за ней, но потом все же возвращается в гостиную. И тут наступает актерская, иначе говоря, мхатовская пауза. Минутное молчание на сцене равносильно вечности, а тут и две минуты, и три... Андриасян, чтобы помочь мне, хотел заполнить паузу музыкой. Я попросил этого не делать. Акцент на паузе, считаю, удался, потому что я чувствовал дыхание зала.

Таким же минутным акцентом на паузе когда-то покорила публику Калибек Куанышбаев. Зрители плакали, когда в драме «Ахан серэ» по Габиту Мусрепову его герой, немой палуан Мылкау, не понимая, чего от него хотят, с покрасневшими от слез глазами тихо, почти беззвучно мычал, глядя в зал.

Роль старого немца Маттиаса Клаузена, который полюбил молодую девушку и был любим ею, мне близка и понятна. Я играю как бы самого себя в определенный период моей жизни. Ведь и я пережил моменты, когда люди, которые называли себя родственниками, были не только категорически против моей последней женитьбы, но и всячески препятствовали ей. Им казалось чем-то сверхъестественным то, что я претендую на нечто большее, чем спокойная старость.

В эту роль я вложил всю палитру красок – белых, черных, сходящих в полутона, все чувства и переживания, которые мне пришлось испытать в последние годы. Я был счастлив, когда режиссер после удачной премьеры, обращаясь ко мне, сказал: «Мой Жан Габенбай, ты оправдал мои надежды!»

После премьеры мне говорили, что я в роли Маттиаса Клаузена прост и органичен настолько, словно это мой двойник. Но я к этой простоте шел оврагами, буераками и окольными путями. На первых читках пьесы это была абсолютно чужая мне роль, слова звучали натужно, все было до крайности схематичным. Напряжение спало не сразу. Потом нужно было привыкнуть к костюмам, которые носил этот старый немец, к интерьеру его дома, чтобы чувствовать себя в нем хозяином. А как тяжело и мучительно я подбирал грим! Сначала покрасил бороду в рыжий цвет. Не то! И только оказавшись в Москве, я смог, посоветовавшись с мастером-гримером, подобрать нужный тон.

Долгие месяцы репетиций были компенсированы тем, что, играя Маттиаса Клаузена, я чувствовал и зал, и партнеров, у меня была та самая свобода мысли и мышц, которая позволяет актеру быть королем на сцене и держать, что называется, зрителя в кулаке.

За пять лет, что идет «Перед заходом солнца», я выходил на сцену десятки раз, но волнение перед спектаклем не оставляет меня, как и в день премьеры. По этому поводу вспоминается такой случай. Однажды я увидел, как Серке Кожамкулов, волнуясь, расхаживает из угла в угол в ожидании своего выхода на сцену в драме Мухтара Ауэзова «Енлик-Кебек». Меня он заметил, только когда я обратился к нему с вопросом: «Сер-ага, вам-то уж что волноваться? Вы же играете бия Еспембета 40 лет подряд! Да и роль эта эпизодическая».

– Зритель за эти годы поменялся, – был ответ. – А вдруг нынешние не примут моего героя?

Я играл своего Маттиаса с разными партнерами. Были и сильные, и слабые актерские составы, но неизменным при этом оставалось одно: зритель уходил со спектакля, даже если это психологическая драма, где в финале звучит «Реквием» Моцарта, с добрым настроем. Для этого я использую самые различные уловки – вплоть до баловства. Например, выйдя к зрителю на поклон, наклоняю как можно ниже голову партнерши, а сам, скрестив ноги, опираюсь локтем на ее согбенную спину. Это и наш казахский юмор – молодая жена должна кланяться как можно ниже, и наказание за нечеткую игру.

Хорошая шутка, я уверен, очень нужна на сцене. Она разряжает слишком большую серьезность, которая, по-моему, страшнее, чем глупость. Недаром считается, что шутовство – это высшее понятие для актера.

Буду ли я и дальше продолжать создавать глубокие психологические образы, подобные Маттиасу Клаузену? Наверняка нет. Надо уметь уходить вовремя. Цепляться, желая доказать, что еще могу, будет не просто смешно – это чревато ошибками, а они прощательны только в молодости.

Могу быть хорошим консультантом, в силах еще поставить мини-спектакль, сыграть в кино, если предложат хорошую содержательную роль, подходящую мне по возрасту, но на театральной сцене я в полном одиночестве, мои партнеры ушли из жизни. Оглядываюсь вокруг и не вижу ничего, кроме пустоты...

КТО СКАЗАЛ, ЧТО У КАЗАХОВ НЕТ ХОРОШЕЙ ДРАМАТУРГИИ?

Обычно в литературе и искусстве все идет от простого к сложному, от примитивного к великому. У нас же, как мне кажется (дай бог, чтобы это оказалось не более, чем брюзжанием старого актера), все идет к нулю. Могу поспорить с кем угодно, но я убежден, что хорошие режиссеры в Казахстане перевелись как биологический вид. Если они есть, то почему пьесы и повести Мухтара Ауэзова или Габита Мусрепова, готовые, по сути, сценарные произведения, остаются без внимания? Тем более что в нашем театре с успехом прошли не готовые к постановке пьесы, а инсценировки. Например, «Кровь и пот» по трилогии Абдижамила Нурпеисова, «Материнское поле» Чингиза Айтматова и «Путь Абая» Мухтара Ауэзова.

А устное народное творчество казахов – вообще источник восторга заезжих режиссеров! Американцы, которые снимали фильм «Кочевник», знакомясь с нашей историей, с завистью говорили, что у нас материалов – непочатый край! И в первую очередь имели в виду наши эпосы «Алпамыс», «Ер-Тостик», «Кобланды»... Но наши режиссеры объявляют их немодными, ныне к той же категории они отнесли и Чингиза Айтматова, который стал иконой XX века не только для Центральной Азии, но и Европы.

Не спорю, современная драматургия нужна. Но сколько бы конкурсов ни объявляли на лучшее драматическое произведение, такого, чтобы можно было ахнуть, нет. Призовое место еще ни о чем не говорит. Если один из ишаков придет на скачках первым, он ведь скакуном не станет. На сцене такие спектакли держатся от силы два-три года, а потом о них благополучно забывает даже сам автор. Талантливое произведение неизбежно произвело бы в обществе бум, и слух о нем разошелся бы мгновенно. И тот, кто спал, проснулся бы, чтобы натянуть башмаки и пойти в театр. Так было в середине 80-х с айтматовским

«И дольше века длится день». Все театры Союза ставили по этому роману инсценировки.

Пусть недруги обвинят меня в чем угодно, но я с ностальгией вспоминаю сегодня так называемый тоталитарный советский режим. Лучшее кино и лучшие спектакли создавались именно в те времена, когда был мощный идеологический прессинг и свирепствовала цензура. Ответственность у всех – и у режиссера, и у актеров – была громадная, потому что готовый спектакль или фильм нужно было сдавать ЦК, Министерству культуры и худсовету. А сейчас никто ни перед кем не отвечает. Сегодняшнюю ситуацию в искусстве я бы сравнил с тем, как вдруг не стало бы волков и овцы вольготно разбрелись по лугам. Но чабаны давно заметили, что баранина бывает вкуснее и ароматнее, если отару держат в напряжении бродящие где-то рядом хищники.

Театр имени Ауэзова в 90-е годы, во времена долгожданной свободы и независимости, оказался отброшен на много лет назад. За последнее десятилетие не создано ни одного яркого образа. Претендующие на это актеры есть – тот же Бахтияр Кожа, но нет режиссеров, способных взять на себя риск создания большого полотна на сцене.

Сегодня настало время булатов атабаевых, стремящихся любыми способами шокировать публику, чтобы она с отвращением слушала, как некто, сидящий на унитазах, издает характерные звуки. Если бы Мухтар Ауэзов увидел, как господин Атабаев представил его «Жаракос», он либо сам упал бы замертво, либо прикончил режиссера. Это не искусство, а садизм какой-то.

Да, конечно, все жанры хороши, но когда искусство целит ниже пояса, это совсем нехорошо. А зритель зомбируется пустотой, бездарностью. Почему мне претят крикливое «новаторство», модные выверты? Все это фокусы – поразить, ошеломить любой ценой, и они заменяют суть. Зачем, пыхтя, препарировать классику? Чтобы сказать, что мы, мол, ничего не знали и не понимали в том времени? Чепуха! Человек не меняется, он во все времена такой же, и проблемы те же.

Все просто: или ты умеешь сказать, что тебя больше всего волнует, или «интересничаешь», привлекая внимание фокусами и разнообразной ерундой. А главное всегда – естественность и правда, и ничего лишнего.

Кто-то из театральных людей придумал красивый термин «мухоморная культура» – сравнил сегодняшнее «новаторство» с грибами, которые сверкают ядовитой красотой за сто метров. Так вот, мухоморы сегодня в цене. А современным людям некогда думать, некогда смотреть мудрое кино, глубокий спектакль, читать серьезную книгу – в общем, искать хорошие грибы. И если раньше, повторюсь, развитие шло от простого к сложному, то сейчас – наоборот.

Как уберечься от этого? Себя могу уберечь, а вот других – не знаю. Не натягивать же колючую проволоку и ставить указатели – туда можно, сюда нельзя? Это тоже глупость. Поэтому все остается, как есть...

СЛУЖБА И СЛУЖЕНИЕ

Признаюсь, я чувствую себя оскорбленным, когда организаторы загоняют зрителей в зал. Не по своей воле пришедший на представление человек – не зритель. На мой взгляд, рыночная экономика поставила с ног на уши всех – и публику, и тех, кто служит театру. Все думают, как побыстрее, с меньшими затра-

тами заработать деньги. Базары и торговые центры с кинотеатрами, бассейнами, кафе и ресторанами заменили собой театры, куда раньше ходили как в храм – за духовностью. В былые годы среди зрителей много было таких, кто не до конца понимал, что происходит на сцене, но изо всех сил старался это сделать. Человек, не прочитав нашумевший роман, не посмотрев новую постановку, рисковал прослыть невеждой.

Раньше в зрительном зале я видел серьезных людей – академиков и министров. И на зрительских конференциях они не отмалчивались, давали оценку нашему творчеству. Благодаря этому вместе росли и зритель, и актеры.

Сейчас чиновники высокого уровня считают ниже своего достоинства ходить на театральные премьеры. Какой театр?! Они ведь с утра до вечера заняты вопросами государственного устройства. В нашем зале я, например, ни разу не видел министра культуры, я даже не знаю, каков он в лицо. А когда-то новый министр, осознавая, что театр формирует идеологию, после назначения обязательно встречался с коллективом.

В том, что нет обратной связи со зрителем, виноваты и мы сами. Нынешние актеры все чаще прибегают к вводу – сегодня дали роль, а завтра вышел на сцену. Но ввод испокон веков был оправдан только в том случае, когда нужно было выручать театр – билеты проданы, а актер... умер.

Сходит на нет театральная дисциплина и бывшая актерская пунктуальность. Если мы, актеры, сформированные советской эпохой, чтобы войти в образ, приходили в театр задолго до спектакля, то у нынешних все впритык. Они забегают в гримерку за 15-20 минут до начала спектакля. Я их, конечно, понимаю и сочувствую им: хочется заработать где-то на стороне – на радио и телевидении, в рекламе, повеселить народ на свадьбах. Но ведь такая спешка, не говоря уже о качестве игры, сказывается даже на гриме, неряшливом и небрежном. Какое уж там – держать публику в напряжении, тут бы текст не перепутать.

Как тут не провести параллель с нашими стариками, стоявшими у истоков казахского театра. Сабира Майканова, например, играя в «Материнском поле», приезжала в театр за два часа до спектакля с повышенным давлением. Оно приходило в норму только после выхода на поклон к зрителю. Домой она уезжала похудевшей за эти несколько часов килограммов на пять. Костюмерши говорили, после «Материнского поля» платье на Майкановой можно было выжимать.

Давно замечено, что после удачного спектакля актеры становятся добрее, мягче и человечнее. Я лично в такие моменты готов встретить с распростертыми объятиями даже своего заклятого врага – дайте только время выйти из образа. Но перед спектаклем стараюсь ни с кем не общаться, а перед самым выходом на сцену молюсь духу деда Ыскака Прадара и никого вокруг не замечаю.

ХОРОШО СМЕЕТСЯ ТОТ, КОМУ ТЕРЯТЬ НЕЧЕГО

Политикой я принципиально не занимаюсь – оберегаю свою профессию. Недаром говорят: если человек стал политиком, надо знакомиться с ним заново. Есть ли у них за душой что-то святое? Далеко не у всех. Облить человека грязью, уничтожить его – в порядке вещей. Каждый из нас чувствует себя незащищенным в обществе, где правят такие господа. Идешь по улице – могут безнаказанно дать пощечину, спрятался в особняке – тебя могут «заказать», и никакие каменные

заборы и видеокамеры не спасут, если ты кому-то мешаешь творить беззаконие и произвол.

Но опять же не случайно говорят: если ты не займешься политикой, она займется тобой. Как бы я ни сторонился этой сферы, все же однажды ввязался. В начале 90-х шли выборы в Верховный Совет республики, мне предложили баллотироваться от Джамбула. Семь или восемь соперников я уверенно опережал по популярности. Народ на встречи приходил охотно, каждый клялся, что будет голосовать за меня. Но однажды утром я прочел в местной газете статью о себе. Один из моих конкурентов сообщал такие «факты», о которых я и сам не подозревал. Оказывается, в театре и кино я уже не востребован, потому-то и решил попробовать себя в политике, в личной жизни я почти преступник, и вообще, не мешало бы меня посадить на годик-другой за всяческие «злоупотребления». Когда я встретился с этим «гробокопателем», то первое, что сделал, – посмотрел на него в упор. Думал, он покраснеет и начнет хотя бы извиняться. Куда там! Прохиндей выдержал мой взгляд и нагло произнес: «А что вы хотели, Асеке? Это борьба. Кто как умеет, тот так и выживает».

Наконец наступил день выборов. До самого вечера я лидировал с большим отрывом. И вдруг, когда до финиша оставалось час-полтора, вперед с космической скоростью вырвался тот самый прохиндей. Бюллетени за него кидали пачками.

В жизни я так не смеялся, как тогда! Единственными пострадавшими в этой ситуации оказались простые избиратели, а я был доволен! С той поры я редко хожу на выборы. На повторную просьбу баллотироваться в Парламент ответил: «Нет, спасибо. Я уж лучше пешком постою».

Сейчас кое-кто пытается обвинять меня в чрезмерной осторожности. Но откуда она пришла, эта осторожность? Оберегая свою профессию от внешних потрясений (а сейчас еще и семью – у меня ведь дети маленькие), я не лгу, но часто скрываю то, о чем думаю. Мир вокруг очень хрупок, многое в нем меня не устраивает, но пусть уж лучше так, чем рисковать безопасностью дорогих мне людей. Было время, я шел по жизни, не оглядываясь на других. За эту гордыню мне пришлось заплатить дорогую цену. А теперь я, считай, начал жизнь как бы с нуля. И мне очень важно успеть увидеть, как сделает свои первые шаги мой маленький сын, как он пойдет в первый класс, переступит порог института...

ДРУГ МОЙ, ТРЕТЬЕ МОЕ ПЛЕЧО

(Ануар Молдабеков)

Мы с Ануаром в один год пришли в театр, вместе росли как актеры, помогая друг другу оттачивать сценическое мастерство, вместе бывали в компаниях – дневных и ночных. У нас и судьбы чем-то схожи. Отца своего Ануар не знал, родная мать его оставила, рос у дяди. Его тоже выгнали из консерватории за съемки в кино, и он окончил позже двухгодичную школу-студию при театре. Потом уехал в Караганду, переиграл в областном театре всех героев-любовников и в 1964-м вернулся в Алма-Ату.

Ануар на год моложе, а потому до конца жизни почтительно называл меня Асеке. Нас многие пытались рассорить. «Зачем ты работаешь под него? Ты не хуже Ашимова», – нашептывали ему театральные интриганы, и он, бывало, поддавался. Но мне как старшему хватало ума сказать в такие минуты примиряющие слова:

«С чего нам ссориться? Ты играешь Яго, я – Отелло, ты – Жантыка, я – Кодара, ты – Танирбергена, я – Еламана... Что нам с тобой делить? Но если ты пойдешь на поводу у злопыхателей, мы оба умрем как актеры, нас съедят поодиночке. Я без тебя никто, и ты без меня тоже».

Азербайжан Мамбетов, бывало, шутя, говорил: «Вашей дружбе придет конец, когда я дам вам одну роль». К счастью, нам с Ануаром не пришлось делить в театре одного героя. А то кто его знает, как повернулись бы события. Таких случаев когда друзья разбежались в разные стороны, в театре было немало.

В кино мы тоже вместе снимались. В «Крыльях песни» он играл поэта, я – революционера, а когда работали на фильме «Кыз Жибек», именно Ануар помог найти мне знаменитый бекежановский грим – придумал бакенбарды, переходящие в бородку.

Все ждали нашей ссоры, когда на роль Еламана в картине «Кровь и пот» утвердили не меня, а Ануара, но обиделся я не на него, а на Мамбетова. Все-таки при всем моем уважении к Азербайжану, незаурядному театральному режиссеру, не могу не признать, что в нем сидит маленький садист. Возможно, это следствие его сурового, бедного на материнскую ласку детства. Насколько мне известно, Азербайжан рано остался круглым сиротой, потом он долго кочевал по интернатам и общежитиям. А у таких людей, как я заметил, сердца бывают жесткими. Они с легкостью забывают то хорошее, что объединяло их с тем или иным человеком.

Когда Азербайжан задумал экранизировать «Кровь и пот», я не сомневался, что Еламан, с образом которого я сроднился на театральной сцене, будет мой Мамбетов остался доволен кинопробами, я начал готовить киношную версию своего героя. Мечтал, что будет создана киноэпопея под стать «Тихому Дону», а мой герой будет даже помасштабнее Григория Мелехова, каким его представил Петр Глебов. И вдруг ...поворот на 360 градусов! Московский сорежиссер картины Юрий Мастюгин «зарубил» меня на худсовете, а Мамбетов и не думал отстаивать.

Но я нашел в себе силы перебороть разочарование и продолжал считать Мамбетова своим другом. Правда, каюсь, на его 75-летию не мог удержаться, чтобы не спросить:

– Азеке, за те 50 лет, что мы знаем друг друга, я вас когда-нибудь предавал?

– Нет, – ответил он.

– Зато ты меня (я к нему, в зависимости от обстоятельств, обращаюсь то на «вы», то на «ты») предавал дважды.

Экранизация романа «Кровь и пот» получилась средненькой. Ануар из-за откровенно слабой режиссуры не смог полностью реализовать свой актерский талант. А жаль. Материал нурпеисовской трилогии по масштабу сравним даже не с «Тихим Доном», а с «Хождением по мукам» Алексея Толстого. Какие там характеры! Не говоря уже о Еламани – этом стихийном революционере, чего стоят, например, такие колоритные персонажи, как конокрад Кален, Судрахмет или Каракатын. Но ни Мамбетов, ни его московский коллега не смогли поднять такой материал. И это вполне объяснимо: Азербайжан – сильный театральный режиссер, но в кино у него не было ни опыта, ни, как я подозреваю, призвания, а москвичу материал трилогии был чужд. Для него «Кровь и пот» – то же самое, что для французских кинематографистов «Анна Каренина»: их попытка экранизировать знаменитый роман получилась, на мой взгляд, блеклой и неправдоподобной.

Словом, потеря роли, которую я считал своей, не рассорила нас. Слишком много хорошего было между нами, чтобы разом перечеркнуть дружбу.

Был момент, когда в театр зритель ходил только для того, чтобы увидеть наш с Ануаром дуэт. Играли мы, к примеру, в «Козы Корпеш и Баян-сулу» – пыль стояла до потолка, столько было безудержной фантазии и экспромта, такая заразительная энергетика! Вообще лозунги типа «Искусство принадлежит народу» взяты из жизни. В нашем театре был, рассказывают, в послевоенные годы случай на спектакле «Амангельды»: на сцену поднялся офицер и сел возле Шакена Айманова, исполнявшего главную роль. На тихие увещевания пройти на свое место военный, вытащив табельное оружие, заявил, что по инструкции командира нельзя оставлять без охраны. Не оставалось ничего другого, как закрыть занавес, чтобы провести с впечатлительным зрителем просветительную работу.

А уж на гастролях в районных центрах такие случаи бывали сплошь и рядом. Едва затевался бой между персонажами «Козы Корпеш и Баян-сулу», как ребяташки выскакивали на сцену, пытались нас разнять, воровали наши бутафорские пики. Однажды наш театр, будучи на гастролях в Чимкенте, выехал с «Козы Корпеш» в один из сельских клубов. В зале всего сто мест, а билетов, как водится, продали раз в десять больше. И мы решили играть на улице. Декорации установили прямо у стен клуба, машины, на которых привезли хлебобобов, выстроили вокруг «сцены» полукругом

В тот день мы, не выходя из образа, импровизировали, как могли. В одной из сцен я, Кодар, в богатырских доспехах, с пикой в руках ищу интригана и сплетника Жантыка – Ануара Молдабекова, вечно сеющего вражду между моим героем и Корпешем. Его нигде нет. Не оставалось ничего другого, как кричать громовым голосом: «Жантык, где ты? Выходи!»

И тут приоткрывается дверца одной из машин, оттуда высовывается Жантык – Ануар. «Ау, Кодар-мырза, вы меня ищете? Я здесь», – отвечает он так, словно герою, жившему в XII веке, положено сидеть в машине, и опять закрывается в кабине. Дальше – хлеще, в одной из сцен он появился верхом на добытом где-то ишаке. А тут еще Карабай – Идрис Ногайбаев, решив подыграть ситуации, стал по-пластунски пробираться под одной из машин... Да и я в пылу всеобщего веселья поймал громадного жука и стал пугать им главную героиню – красавицу Баян. Та визжит, зритель хохочет! В общем, хлебобобам страшно понравилась наша игра. Они так и говорили: «Какой хороший спектакль! Приезжайте еще». Я и сам признаю: это был один из лучших спектаклей в моей жизни.

Сейчас, вспоминая эти веселые моменты, готов плакать от тоски по ушедшему другу. Какими же мы были заводными! Не боялись казаться смешными. Своей пластикой, темпераментом, молодым озорством мы с Ануаром взорвали академическую сцену Ауэзовского театра и совершили свой маленький переворот.

Завтруппой у нас был некий Карас Ахметович. В молодые годы у нас с ним шла нешуточная война, но с высоты сегодняшних своих лет я думаю о нем с теплотой. Караса Ахметовича театру ныне не хватает. Его требовательность не давала актерам расслабиться. Перед этим суровым фронтовиком, человеком поистине сталинской закалки, не терпящим малейшего отступления от правил, трепетал даже бесстрашный Сер-ага Кожамкулов. Если наш завтруппой узнавал, что актер тайком снимается в кино или бегаёт на халтуру, подрабатывая озвучкой или на дубляже, то кары в виде строгого выговора, а то и увольнения было не избежать.

за малейшее нарушение дисциплины (например, опоздание на репетицию) – рапорты начальству.

Нас завтруппой чаще других таскал на ковер к начальству. Однажды, играя в спектакле «Козы Корпеш и Баян-сулу», я увидел, как Карас Ахметович, стоя у занавеса, опять по своей привычке разносит меня и Ануара. Разгоряченный, ведь Кодар, мой герой, – степной батыр, никому не дает спуска, я запустил в завтруппой кинжал – пусть и бутафорский, но изготовленный из железа. Он пролетел в каких-то миллиметрах от головы Караса Ахметовича. Завтруппой стал белый как полотно, а до меня только тут дошло, что я едва не совершил тяжкий грех....

С того момента Карас Ахметович стал сникать. А вскоре подоспел другой случай, окончательно сбивший с него начальнический кураж. Как-то нас с Ануаром решили угостить домашними яствами приехавшие с каникул девушки из школы-студии при театре. Пришли с полными сумками снеди, мы закрылись в отдельном кабинетике, который мне выделили как члену месткома, и стали пировать. Вели себя, казалось бы, ниже травы, тише воды, но все-таки расшалились. Одна из девушек вскочила на спинку дряхлого кожаного дивана и... тот развалился. Девушка упала, ударилась головой о стену, потеряла сознание. Хочешь – не хочешь, пришлось вызвать «скорую». Карас Ахметович, естественно, тут как тут. Потирая руки, он быстренько собрал комиссию и чуть ли не с лупой в руках начал искать «следы преступления». Расстроенный, что ничего, кроме обломков дивана, не нашел, перед начальством он все представил так, будто мы с Ануаром специально собирались убить девушку. В общем, подсудное дело.

В кабинете главного режиссера, куда нас вызвали, уже сидели наши «богини» – Хадиша Букеева, Шолпан Жандарбекова и Бикен Римова во главе с парт-оргом театра Сабирой Майкановой. Мамбетов, чувствуя, что пахнет жареным (да и некстати было раздувать скандал – я только сыграл главную роль в спектакле «На чужбине», на носу была сдача «Дон Жуана», где я опять же в главной роли), после суровых их обвинений поторопился заявить, что разборки подождут, а сейчас всем пора на репетицию.

Последующие 10 дней я яростно репетировал. И вот день премьеры – спектакль прошел на ура. Представители ЦК и Министерства культуры, пожимая руки Мамбетову, в один голос заявили о моей работе: появился актер, чья игра должна поднять театр на новый уровень.

На партбюро нас, тем не менее, вызвали. Первым зашел я. «Богини» были уже готовы к растерзанию блудных актеров, зато Мамбетова наши с Ануаром выходки явно веселили. Дав возможность для некоторой «артподготовки», главреж вступился:

– Чем ты в дальнейшем оправдаешь свой проступок? – словно подсказывая мне ответ, спросил он.

– Своим трудом! – выпалил я.

Азербайжан, явно не слушая возмущенный шепот женщин, махнул рукой в мою сторону:

– Иди, иди!

Выхожу, а за дверью – дрожащий Ануар. Подученный мной и ободренный подсказкой Мамбетова, он повторил мой ответ. Так мы выкрутились из ситуации, которая чуть было не выросла до размеров вселенского греха. Сложись обстоятельства по-другому, возможно, нашей актерской карьере мог бы прийти и конец.

Любой театр знает немало случаев, когда изначально талантливые актеры ломались и не доходили до финала: не хватало характера выдержать натиск, который прикрывался ханжески благопристойными словами, хотя за ними пряталась усталая ревность к молодости и успеху.

Во мне театр, напротив, разбудил дремавшие доселе задиристость, высокие амбиции и протестные настроения. Но без Ануара, без его крепкого плеча, которое я всегда ощущал, пока он был рядом, я бы, наверно, протестовать не отважился. Когда не стало друга, я тоже хотел уйти из театра. Без Ануара я уже не мог играть в нашем любимом спектакле «Козы Корпеш и Баян-сулу»: если бы и вышел на сцену, то слезы задушили бы, и я просто сорвал бы спектакль. Когда я все же решился на такой шаг – оставить театр, то среди прочих причин была и эта боль – моих бывших партнеров никто не мог заменить. Уходя, я так и сказал: мне не с кем играть. Нет Ануара, нет Идриса Ногайбаева и Нурмухана Жантурина (его я пригласил в театр на следующий же день после назначения меня директором. И Жантурин вернулся – через 20 лет! Почему-то этот замечательный актер недолюбливал меня, когда я только пришел в труппу, но под конец его жизни мы сдружились).

Мой недруг фразу о том, что мне не с кем играть в театре, передал труппе так: Ашимов считает ее недостойной себя. Многие после этого стали смотреть на меня косо, а потом, не глядя, подмахнули подсовываемые им письма-доносы.

С Ануаром ушла часть моей жизни. Он был крепче меня телосложением, а потому всегда казался здоровее, но вот ушел раньше. Оказывается, у него был сахарный диабет, который незаметно разъедал его организм. Никто, даже я, не знал об этом.

Ануар должен был играть Амангельды в одноименном спектакле, задуманном мной. Я был уверен: только он сможет создать образ легендарного командира, но... в этой ситуации решал совсем другой режиссер. Помню, я только вернулся из командировки, услышал горькую весть о смерти Матана Мураталиева, однокурсника по театральному факультету, и первым делом позвонил Ануару, он тогда был председателем нашего профкома. Услышав, что он не может пойти из-за болезни, в сердцах принялся его отчитывать: «Ты что? Какие болезни? Человек умер!» И тут взяла трубку его жена. Она сказала, что у Ануара кровавая рвота.

Накануне он был на съемках в Капчагае. С обедом в тот день запоздали, к вечеру на съемочную площадку вместо еды привезли ящик водки. Разозлившись, Ануар выпил стакан, а потом пошел купаться. Ни того, ни другого при его болезни делать было нельзя. Пока доехали до Алма-Аты, сахар поднялся до критической отметки, «зажглось» горло... После этого он прожил всего неделю.

В реанимацию к Ануару никого не пускали, мне все-таки удалось прорваться к нему. Надо было что-то говорить, но сил не нашлось бодриться. Не смог я, как Айманов у постели Куанышбаева, сдерживая слезы, шутить.

– Какой сегодня день? – спросил Ануар, пристально вглядываясь в стену.

– Среда.

– А-а, два дня, два дня, – в полузабытьи пробормотал мой друг.

Через два дня его не стало. Ему было всего 49 лет.

После его смерти и Мамбетов как-то сник. Сидя в кабинете Азербайджана, мы, чтобы заглушить боль, хлопнули по стакану водки. Потом налили еще, но алкоголь нас не брал, шел как вода. Горе было крепче....

ТО ГУЛЬБА, ТО ПАЛЬБА

Знаю, что и пить, и курить, и закладывать за губу насыбай – вредно для здоровья, но творческому человеку надо заполнять паузу внутри себя, это помогает в работе. А потом, любое «вредное» занятие, если делается в меру и с удовольствием, идет даже на пользу. Когда, например, после первого акта берешь в руки сигарету и делаешь первую за весь день жадную затяжку, то это ни с чем не сравнимый кайф, который мне, актеру, дает новый импульс.

Так вот, курю я довольно много, а что касается питания, то последние 50 лет делаю это регулярно. Хороших застолий в моей жизни было много. Если исходить из пол-литра в день, то, как подсчитывал Саги, за свою жизнь я выпил примерно цистерну спиртного.

Когда сын сообщил мне об этом, я сперва расхохотался, а потом счел своим отцовским долгом предупредить Саги, чтобы не вздумал подражать мне. Он – парень городской, организм у него нежнее, а я прошел естественный отбор, наработал сильный иммунитет, а потом у меня есть своя система питания.

В студенческие годы я попивал шампанское, его в ту пору в магазинах было как сегодня «колы». Seriously пристрастился к спиртному уже после института – без этого в нашем производстве не обойтись. Многие актеры так и спились, перебирая без меры на банкетах. Но меня уберегли мои ангелы-хранители, алкоголиком я не стал: есть – выпью, а нет, так и не ищу. И похмельные мучения мне неведомы, наутро я всегда готов к работе.

Сразу сделаю оговорку: в день спектакля не пью никогда. Сцена – это святое. В кино – нет-нет, да и случалось..

А по-настоящему пьяным я был всего лишь раз в жизни. Сыновьям в тот день должны были делать обрезание. Чтобы не слышать их плача, я с утра убежал из дома. И весь день гудел с друзьями: кончалась одна бутылка – бежали за другой, а из закуски – только черный хлеб. Я его люблю, кстати. Только такого хлеба, какой выпекали в годы моей молодости, сейчас уже нет. Нурмухан Жантурин и Ануар Молдабеков еще держались, а я к вечеру упал на асфальт замертво.

Сидеть где-нибудь в компании и притворяться, что, дескать, я весь такой правильный, пить давно бросил, а дома потихоньку набираться – этого я не переносу. Ну как не сопроводить ста граммами рождение сына, который появился у тебя без малого в 71 год! А уж нейтрализовать вредное воздействие радиации на здоровье стаканчиком хорошей водки – так это сам бог велел. При этом не надо забывать о хорошей закуске.

Раньше я предпочитал коньяк. Но, как мне сказали специалисты, настоящим можно считать только французский, все остальное – бренди. Я им верю, поэтому и отказался от коньяка, исключение делаю только для рюмочки «Асанали». Несколько лет назад мой хороший приятель, директор винзавода Артуш Карапетян, помню, попросил дать новому коньяку мое имя. Я поставил перед ним единственное условие – коньяк «Асанали» должен быть пятилетней выдержки и только из дубовой бочки.

В последнее время всем спиртным напиткам я предпочитаю самогон. Украинская горилка, грузинская чача, шотландский виски, казахская буза – «национальность» не имеет значения, лишь бы напиток был качественным. Причем русский самогон хорош из граненого 75-граммового стакана, а виски со льдом – из ши-

рокого с толстым дном стакана богемского стекла. Лед, подтаяв, сбивает градус, и тогда напиток приятнее на вкус.

С недавних пор в моем доме прижилась «кончаловка». Рецепт этой домашней наливки из смородины с добавлением водки придумало семейство Михалковых-Кончаловских. Очень недурной напиток. По крайней мере, мои друзья всегда просят повторить, а я отвечаю, что хорошего должно быть понемногу.

Как человек с опытом, я бы посоветовал старым и молодым мужчинам пить умеренно, умело и с наслаждением. Если следовать этому правилу, то алкоголь, равно как и с удовольствием выкуренная сигарета, идет на пользу, продлевает жизнь. Сам я учился пить у Айманова. Шакен Кенжетаевич мог выпить много, но при этом никогда не пьянел.

– Бала, – сказал он мне как-то после приезда сына, студента операторского факультета ВГИКа, на зимние каникулы, – надо Мурату купить костюм. Пойдем завтра с нами в магазин.

Когда подошли к универмагу, что возле Зеленого базара, Шакен Кенжетаевич свернул к шашлычной. Заказал три порции, чем несказанно осчастливил шашлычника, потом подозвал местного пьянчужку, дал пять рублей и послал за водкой в ближайший магазин. Шашлык уже перед нами, а гонца все нет. Прошло полчаса, я говорю: «Шаке, наверное, он пропил ваши деньги».

«Придет!» – уверенно ответил Шакен-ага. И, действительно, на горизонте замаячил алкаш. Усталый и взмокший, он подбежал к нам, прижав к груди бутылку. Водка в те времена продавалась не во всех магазинах, и в тот день ее как раз не оказалось поблизости, пришлось бежать аж в Центральный гастроном.

Шакен Кенжетаевич налил себе грамм 150, выпил, закусил. Потом по 100 грамм налил мне и Мурату, а оставшееся отдал гонцу. Тот был счастлив, но вовсе не потому, что перепала дармовая выпивка: он пил с самим Шакеном Аймановым! Протягивая мне стакан, тесть сказал: «Будешь принимать в хорошей компании сто грамм – вреда для здоровья не будет».

Подтекст я понял так: как попало и с кем попало не пей, знай меру, и если стакан подает отец – это не пьянство. Он просто видит в тебе мужчину. Другой, менее мудрый, наверняка не стал бы пить с сыном и зятем. А Шакен Кенжетаевич этим жестом, во-первых, приподнял нас на одну с собой высоту, во-вторых, показал, что не надо гнушаться общением с простыми людьми.

Я со своими сыновьями никогда не распивал на троих. Нет, вру, с Мади мне пришлось пить в одной компании. Он чуть смушался, но хотел показаться в моих глазах взрослым. А я видел в нем не сына, а серьезного и рассудительного мужчину. Саги, конечно же, выпивал, но при мне – ни разу.

КАК СТАТЬ АСАНАЛИ АШИМОВЫМ

Принципы, которыми я руководствовался в своей жизни, просты и понятны всем.

Первое правило. Человек должен найти свою нишу в основании здания, которое называется жизнь. Если он, как хороший кирпич, войдет плотно, без зазоров, значит, и здание его жизни будет вечным.

Так было, когда я строил свой очаг с первой женой. Он у нас получился крепким – мы с Майрой прожили душа в душу 35 лет.

А потом я начал строить дома. Первый из них Божий – мечеть на моей родине в честь деда Ыскака Прадара. На радость людям она вышла пригожей и уютной, и как-то так очень хорошо соседствует с дубом, что растет рядом. Тот неизвестный человек, кто его посадил лет сто назад, был, безусловно, хорошим человеком. Так думает каждый, кто присаживается отдохнуть под могучую тень одинокого дуба.

Потом я разломал свой старый дом (мне многое здесь напоминало о неприятных моментах в жизни – неудачная третья женитьба, смерть матери в этих стенах) и приступил к строительству нового.

Найдутся, наверно, люди, которые не преминут спросить: откуда «дровишки», то есть деньги. Отвечаю: строю на гонорары от пятитомника и фотоальбома, которые оптом приобрели у меня областные акиматы, а еще на доходы от городской квартиры, которую сдаю иностранцам. Опять же родственники помогают. Один из братьев жены – профессиональный архитектор, спроектировал дом, другой – взял на себя внутреннюю отделку. Этот дом, даже если годик-другой посижу на диете, я должен закончить любой ценой. Ведь он адресный – в нем хозяином будет мой младший сын Асанали.

Кстати, строительство я начал с благоустройства двора – посадил деревья и цветы. Это тоже один из моих жизненных принципов – жизнь вокруг должна быть опрятной и красивой.

У одного из русских классиков есть рассказ: заблудившаяся в лесу женщина увидела идущего ей навстречу мужчину. Вначале она напугалась, но, углядев у него в руках цветы, успокоилась: тот, кто влюблен в красоту, не может убить человека.

«Цветочник» – название последней картины, где я буду сниматься, не случайное. Цветы – продолжение жизни, олицетворение любви. Среди самых дорогих подарков они стоят особняком. Скромные полевые цветы, сирень, розы... Все это любила Майра – моя первая жена. Особенно она обожала сирень. Эти цветы и сейчас рядом с ней – Саги посадил на ее могиле куст сирени, а потом я взял отросток оттуда и пересадил туда, где нашел последнее пристанище он сам.

Второе правило. Человек должен активно созидать и искать что-то новое. В фильме «Чокан Валиханов» я придумал такой эпизод. Когда Тезек-торе (Тезек Нуралиев – старший султан Алатавского округа), на сестре которого он женился будучи уже тяжело больным, спрашивает, что же нужно сделать, чтобы изменить безрадостную однотонную жизнь вокруг, Чокан отчеканивает: «Рыть!»

– Что – рыть? – пугается Тезек-торе.

– Колодцы, миллионы колодцев. Будет вода, не будет – неважно, главное, не сидеть на месте и неустанно искать что-то. Чтобы пасти барана, потом зарезать его, сварить и съесть – много ума не надо, так можно и самому превратиться в это животное.

Третье правило. Не жить в долг, рассчитывать только на себя. Я в своей жизни занимал деньги всего лишь раз – когда покупал первую в жизни машину. Уж очень был велик соблазн – ездить на своей «Волге», потому и побежали с Майрой к Абдижамилу Нурпеисову.

Сам я частенько одалживаю, а иногда безвозмездно даю деньги. Ко мне в офис, бывает, заходят бывшие детдомовцы. Им много не надо – тысячу-другую, которую они чаще всего тратят на сладости. Грех им отказывать в этом.

Я получаю удовлетворения больше, чем они, когда эти дети уходят от меня удовлетворенными.

Недавно ко мне зашла одна из тех, что занимает у меня традиционную сумму – 500 долларов. «Асанали-ага, не думайте, пожалуйста, что я забыла про долг. Как только появятся деньги, я сразу вам отдам». В тот момент я гордился не собой, а тем, что имею дело с человеком совестливым и порядочным.

Четвертое правило. Умейте смеяться и шутить, когда хочется плакать, обуздать зависть, считать трудовую копейку, но не быть жадным.

Когда меня спрашивают, как ты смог выдержать все удары, что свалились на тебя в одночасье, отвечаю, что мне помогает юмор. В конце концов, мои проблемы – это только мои проблемы. Давая кому-то возможность жалеть себя, продлеваешь тем самым жизнь своим врагам. Когда мне было совсем тяжело и плохо, слезы я показывал только одному человеку – Майре.

Помню, я вернулся из командировки в Москву. Умом-то понимал, что ее уже нет, и она никогда уже не встретит меня у порога, и все же, когда дверь открыла родственница, я молча прошел в нашу комнату и беззвучно зарыдал перед портретом жены.

Пятое правило. Если хочешь сказать многое – лучше помолчи. Никогда не забуду встречу в одном из областных центров. Я шел с товарищем по улице, как вдруг из небольшой толпы, куда-то вместе направляющейся, отделилась очень пожилая женщина, напоминая своим обликом мою мать. Она подошла ко мне, молча встала на колени передо мной и поцеловала мне руку. Я не знаю, почему она это сделала: может, ее трогала моя работа в кино или на театральной сцене, а возможно, услышала о недавней смерти моей матери.

Шакен Кенжетаевич Айманов никогда не учил, как надо жить или играть на сцене, но его молчаливые уроки дали мне больше, чем все институтские лекции вместе взятые. Этому же принципу старался следовать и я. С сыновьями я мало общался, пока они были маленькие, нотации читать мне было некогда, да и не умел я этого, видели меня и курящим, и выпивающим, и несправедным, но, странное дело, они меня боготворили даже будучи уже взрослыми, семейными мужчинами.

Недавно перед спектаклем один молодой актер сказал мне: «Ага, я работал на летних каникулах у Мади грузчиком, когда мне было лет четырнадцать. Он вас считал за бога».

Видя, что я сник после этих слов, он вышел из гримерной. Минут через пятнадцать вернулся: «Простите, что я вас расстроил перед спектаклем». «Что ты, – сказал я ему. – Ты, напротив, настроил меня на образ».

Когда ушла из жизни Майра, и Мади, и Саги страшно переживали за меня. Я это чувствовал по вскользь брошенным тревожным и любящим взглядам, по тому, как они старались не оставлять меня одного. Когда я вскоре женился на Гульбану, ни единым словом не упрекнули, хотя, я чувствовал: мачеха была им не по душе.

...Мне нередко приходится слышать такой вопрос: как стать Асанали Ашимовым? Вначале пытался что-то формулировать, найти какие-то нужные слова. А сейчас отвечаю: никак. И рассказываю одну степную притчу. Степного мудреца спросили однажды: как вы стали таким мудрым в окружении глупых, завистливых, ленивых людей? «Я учился от них», – ответил мудрец.

КАК ЗЕЛЕНЫ ПЫШНЫЕ КРОНЫ, И КАК ОДИНОКИ СТВОЛЫ

Накануне 70-летия друзья и поклонники сделали мне подарок – помогли выпустить пятитомник, где опубликованы письма, которые я писал своей жене после ее кончины, воспоминания о сыновьях, дневниковые записи, которые веду со студенческих лет, статьи и рецензии на мои работы в кино и театре, пьеса, написанная в соавторстве с моим другом, писателем и этнографом Акселеу Сейдимбеком.

«Песни Майры» – так называется первая книга, написанная еще в 1993 году, сразу после смерти моей незабвенной жены. Я, помнится, попал в больницу с аппендицитом, после операции дней двадцать провел в санатории. Чтобы успокоить душу, которая рыдала, не утихая, я днем и ночью писал письма Майре, спрашивал, как мне жить дальше.

«Однажды, – писал я ей, – ранним-ранним утром, пока все спали, я пришел в то ущелье, где мы с тобой любили бывать вдвоем, вышел на нашу лужайку, где ты, бывало, ждала меня, и закричал во весь голос: «Майра! Майра!» Представил, как ты, запрокинув голову, хохочешь надо мной, когда я, стараясь избавиться от лишних килограммов, вперевалку бегаю по лужайке. И мне стало легче, тоска на какой-то миг отступила».

Разговаривая с ней, я вспоминал наших друзей. Чаще всего – старых мастеров казахской сцены, которые любили бывать у нас дома. Ел-ага Умурзаков, Сер-ага Кожамкулов, Калибек Куанышбаев... Майру они называли каждый по-своему – Майкоза, Майкоша, Майко, Макошжан... Они ведь знали ее с малых лет. Не мать, которой вечно было некогда, а она, малолетняя девчонка, встречала их, когда они заглядывали к Аймановым.

Прочитав «Песни Майры», один из писателей заметил: «Кто сказал, что любви не бывает? И что сегодня нет места Кыз Жибек и Тулегену?» Еще недавно я думал, что большая любовь – это большое несчастье. Сейчас готов оспаривать сам себя. Нет, несчастье несет страсть, яростная и неукротимая, отнимающая разум. А любовь – это та нежность и доверие друг к другу, какие были у нас с Майрой.

Когда она умерла, я каждый день ходил к ней на могилу. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то не сказал мне: «Асеке, что вы делаете? Ей ведь тяжело. Каждая ваша слеза камнем ложится ей на грудь».

Но Саги эти предостережения не остановили. Однажды, когда ему было особенно плохо, он поехал на кладбище и всю ночь, обняв могильный холмик матери, провел там. При жизни Майры они были очень близки, младший сын всегда поверял ей все свои секреты. Он просил помощи, говорил, что ему плохо без нее.

Я, перепуганный, в сердцах отчитал его: «Что ты делаешь, сын? Ты хочешь уйти вслед за матерью?» Кто знает, может быть, справедливо народное поверье: часто ходишь на дорогую могилу – вскоре уйдешь из жизни, и Майра на самом деле забрала своих мальчиков?

Письма Майре я мысленно продолжаю писать до сих пор. «Майра, почему ты взяла их? – упрекал я ее после смерти сыновей. – Почему ты меня не жалеешь?»

А недавно я сообщил ей, что у меня родился сын.

«Ты ведь не осудишь меня за то, что я решился на этот шаг. Когда не стало тебя, а потом наших сыновей, мы с матерью, твоей любимой свекровью, каждый,

спрятавшись в своей комнате, тайком друг от друга изливали боль в слезах. Абай, когда в один год ушли из жизни оба его сына, не выдержал – через сорок дней не стало его самого. А я вынес эту боль, потому что не хотел, чтобы шанырак Ашимовых разнесло так, словно в него попала атомная бомба. Мне так хочется, чтобы свет нашего с тобой очага еще долго согревал наших с тобой друзей.

Ты знаешь, я познакомился с малышом Асанали, когда он, еще трехмесячный зародыш, находился в чреве матери. Я удивился словам врачей, что у человека первым формируется сердце, а потом позвоночник и все остальное. В следующий раз ультразвук показал главный предмет его принадлежности к мужскому полу. Я был безмерно рад – у меня будет сын! И с той поры я стал с ним разговаривать. За месяц до рождения УЗИ вдруг не показало крохотную писульку, и я страшно расстроился.

Мой младший сын родился на моих глазах. Врачи не смогли мне отказать, когда я попросил их об этом. Ты спросишь: зачем я это делал? Но ведь я актер, а значит, должен испытать в этой жизни все – вплоть до того, как человек появляется на этот свет. Я страстно молил Всевышнего, чтобы малыш родился здоровым, и, не желая рисковать, настоял на кесаревом сечении. Едва врач, подняв новорожденного над головой, произнес: «У вас сын», сердце мое наконец встало на место. Младенцу перевязали пуповину, мать осталась в операционной, а меня отвели в отдельную палату, чтобы положить сына мне на грудь. Крохотное красное тельце коснулось меня, и показалось, что я обнимаю весь мир! Я услышал биение его сердечка, его дыхание».

Вторая книга – это воспоминания о сыновьях. Те малые крохи, которые я запомнил, пока они росли, учились, мужали, становились зрелыми. Оставаясь наедине с самим собой и размышляя о своей жизни, я и оправдываюсь перед ними, и советуюсь. «Как вы могли меня оставить, дорогие мои? – невольно укоряю я сыновей. – Едва я подумаю о вас, как сердце начинает сжиматься от тоски. И я, простите меня за это, стараюсь отогнать мысли о вас, иначе я просто не выживу. А ведь на мне лежит огромная ответственность перед Богом и людьми и за ваших осиротевших детей, и за ваших сестренку и братишку. Нет, нет! Никто из них не заменит вас, но я знаю, вы тоже хотели, чтобы на свет появился малыш Асанали. После его рождения мне стало легче жить и дышать. А вы, я это всегда чувствую, хотите, чтобы я жил долго. Поэтому и не зовете меня к себе. Когда я вижу вас во сне, вы всегда уходите от меня. Вы словно хотите сказать: что же станется с еще неокрепшими Ашимовыми, если и тебя не будет рядом с ними?»

«Аманат аркалаган адам» – «Человек, оставшийся выполнять наказ или взявший на себя ответственность за долги тех, кто ушел в мир иной» – говорят про таких, как я. Такую ношу дал мне Всевышний, и я против его воли идти не могу.

Я живу с ощущением, что Мади и Саги смотрят на меня с надеждой откуда-то издалека. Они словно хотят сказать: «Отец, ты ведь сильный, ты все вынесешь». А я им отвечаю: «Верю, что мы с вами встретимся, но я хочу прийти к вам с чистой совестью. Тогда я смогу вас наконец прижать к своей груди и сказать те нежные и ласковые слова, которые сейчас говорю маленькому Асанали».

По утрам почему-то Мади вспоминаю чаще, чем Саги. Пронзительный взгляд, которым сын смотрел на меня в тот последний миг, стоит перед глазами, словно это случилось вчера. Сын, уже безмолвный, будто спрашивал: что теперь с тобой будет, отец? А может, мой старший хотел сказать, чтобы я уберег его детей

от тех испытаний, которые выпадали на их с Саги долю за мои грехи? Что ж, я приемлю это.

Когда в один год ушли оба моих сына, я понял: это расплата за гордыню.

Был в моей жизни момент, когда я никого, кроме себя, не признавал. Выдержать ту славу, которая обрушивается на актеров в одночасье, без издержек для души практически невозможно. Я десять лет – с 30 до 40 – жил фактически бесконтрольно и неподсудно. В кино и театре – первый, на всяких застольях главный тост мой, в документах надобности не было, даже когда ходил на приемы в ЦК, – охрана и так узнавала. Женщины падали к моим ногам, я им щедро дарил себя, но уже на следующий день забывал имя очередной подруги, встреченной где-то на кинофестивале в Москве, Киеве, Ташкенте... Я, вчерашний аульный мальчишка, который терялся и краснел даже на студенческих вечеринках, утратил ощущение реальности.

Сейчас бы никогда этого себе не позволил, а тогда мог запросто обозвать кого-то из коллег бездарщиной, хлестнуть бранным словом... Шакен Кенжетевич Айманов, единственный человек, перед которым я пасовал, который мог одним взглядом поставить меня на место, уже ушел из жизни, когда я был в апогее славы...

Но не будь таких ошибок в моей жизни, не было бы ни человека, ни актера Асанали Ашимова, а по большому счету – Судьбы актера. Все-таки я, несмотря ни на что, прожил неплохую жизнь. Хотя и говорят, что все мы гости на этой земле, безответственным временщиком, статистом или марионеткой судьбы я не был никогда. Поклоняясь, как истинный крестьянский сын, земле, я старался быть здесь рачительным хозяином. И всегда с открытым сердцем шел к людям.

Литературная запись Галии ШИМЫРБАЕВОЙ

ИЗ ДОСЬЕ:

Абдижамил Нурпеисов, писатель: «Помню, как году в 1970-м в свет вышла знаменитая экранизация «Кыз Жибек» режиссера Султана Ходжикова. И там буквально яркой звездой, затмевая юных неопытных исполнителей главных ролей, блеснул великолепный талант истинного казахского батыра, сыгранного Асанали Ашимовым. Он откровенно излучал, как нынче говорят, глубоко отрицательное обаяние, но мощный темперамент, темное роковое чувство хлынули на наши экраны с такой покоряющей неудержимой силой, напором, что фактически его злодей, Бекежан, стал бесспорным кумиром восхищенных зрителей.

Думается, как раз в таких, далеко не простых, неоднозначных, трагических даже ролях по-настоящему полновесно раскрывался недюжинный масштаб его актерского дарования. И таких ролей у него немало. Я думаю, такая творческая биография сама по себе является высшей профессиональной наградой».

Рубен Андриасян, народный артист РК: «Это актер-глыба, который каждую минуту своего существования на сцене заполняет такой глубиной мысли и чувств, что завораживает зал даже тогда, когда ничего не говорит. Именно так было в спектакле «Перед заходом солнца», где главную роль исполнял Асанали... Более красивого подарка от актера я не получал никогда».

Герольд Бельгер, писатель и переводчик: «Давно знаю славного азамата Асанали. Для меня он не только Актер, Кинодеятель, Автор мемуаров и дневников. А еще супермен. Воплощение казаха. Яркий представитель нации. Гордый сын земли казахской. Такой личностью стоит гордиться».

Оралхан Бокеев, писатель и драматург: «Настоящее признание Ашимову принесли фильмы «Кыз Жибек» и «Конец атамана». Его Бекежан и Чадьяров – вершина не только его личного актерского мастерства, но и всего казахского киноискусства. Наиотрицательнейшую роль – Бекежана – он сыграл так, что положительный герой был убит не только физически, он просто померк в глазах зрителя: после выхода на экраны фильма «Кыз Жибек» симпатии людей оказались на стороне эмоционального, обнаженного в своих чувствах, а потому искреннего Бекежана. А если говорить о «Конце атамана», то этот фильм и не состоялся бы вовсе, не будь там Чадьярова в блестящем исполнении Ашимова».

Асанали Ашимов родился 8 мая 1937 года в селе Жаилма Сарысуского района Джамбулской области. В 1961 году окончил Алматинскую государственную консерваторию имени Курмангазы (актерский факультет). Звания: заслуженный артист Казахской ССР (1970); народный артист Казахской ССР (1976); народный артист СССР (1980). Награды: лауреат Государственной премии Казахской ССР (1972); лауреат Государственной премии СССР (1974).

Фильмография: «Ботагоз» (1957); «На диком берегу Иртыша» (1958); «В одном районе» (1960); «Песня зовет» (1961); «Морская быль» (1962); «Перекресток» (1963); «Следы уходят за горизонт» (1963); «Крылья песни» (1966); «Тревожное утро» (1967); «Конец атамана» (1970); «Кыз Жибек» (1970); «Транссибирский экспресс» (1976); «Выбор» (1976); «Гонимые спешат» (1978); «Вкус хлеба» (1979); «Серебряный рог Алатау» (1980); «Провинциальный роман» (1981); «Чокан Валиханов» (1985); «Турксиб» (1986); «Маньчжурский вариант» (1988); «Абулхаир-хан» (1993); «Ермак» (1996); «Сага о древних булгарах» (1999); «Дядя, я тебя убью!» (1999); «Дом у соленого озера» (2005), «Кто вы, господин Ка?» (2009).

Режиссер кино: «Год дракона» (1980); «Чокан Валиханов» (1985); «Полынь» (1986); «Козы Корпеш – Баян-сулу» (1993), совместно с И. Вовнянко «Дом у соленого озера» (2005).

Артист театра: «Абай» (1964); «Легенда о моем народе» (1964); «Енлик-Кебек» (1965); «Буран» (1965); «Всеми забытый» (1962); «На чужбине» (1967); «Дон Жуан, или Любовь к геометрии» (1969); «Кровь и пот» (1970); «Кобланды» (1970); «Восхождение на Фудзияму» (1974); «Козы Корпеш – Баян-сулу» (1975); «Утреннее эхо» (1976); «Завещание потомкам» (1978); «Ревизор» (1978); «Юлий Цезарь» (1988); «Перед заходом солнца» (2002).

Режиссер театра: «Ревизор» (1978); «Амангельды» (1980); «Есть ли яд, мною не испитый?» (1987); «Акблек» (1993); «Если бы я был султаном» (1993); «И султаны тоже смертны» (1996); «Волчонок под шапкой» (1999).

Написал сценарии к фильмам: «Козы Корпеш и Баян Сулу» (1992); «Маньчжурский вариант» (1989), «Кто вы, господин Ка?» (2009).

